

Г.Р. Доброва
Санкт-Петербург

**К вопросу о понимании семантики лексемы – и об умении
сформулировать дефиницию (на материале освоения детьми
терминов родства)³**

В некоторых экспериментальных исследованиях в области психолингвистики и онтолингвистики (онтолингвистика – наука, изучающий детскую речь – термин С.Н. Цейтлин – см., например [Цейтлин 2006: 3]) имеется одно удивительное противоречие: когда исследователь хочет выяснить, верно ли испытуемый понимает «объем» какого-то понятия (точнее – сигнификативный компонент значения), он, экспериментатор, нередко (мы бы сказали – как-то удивительно наивно) прямо так и формулирует вопрос «А что значит слово X?». Получив неверный, т.е. не соответствующий словарному толкованию, ответ, экспериментатор делает вывод о непонимании испытуемым семантики лексемы. В особенности широко в последние десятилетия такие выводы стали делать экспериментаторы, работающие с детьми: не смог ребенок дать «верный» (= близкий к словарной дефиниции) ответ, - следовательно, «еще не знает», «еще не понимает», «не понимает в полном объеме» и т.п. Всегда ли справедливы такие обвинения?

Задачей данной статьи будет «вступить за наивного носителя языка», отстаивать его право не попадать в «незнайки» лишь на том основании, что данное им определение далеко от совершенства.

Для решения данной задачи мы обратимся к терминам родства. Почему же – именно к ним?

Термины родства издавна привлекали к себе внимание научной общественности. Как указывал Э.Ф.К. Уоллас, «термины родства были для культурного антрополога тем же, чем крысы для психолога-экспериментатора» (цитируется по [Дзибель 1998: 89]).

³ Работа осуществляется при финансовой поддержке РФФИ (проект 06-06-80349 а)

Термины родства изучают (в тех или иных аспектах) специалисты различных областей знания – лингвисты, психологи, этнографы. Иногда эти исследования достаточно четко ориентированы на какую-то одну из наук, однако некоторые (если не большая часть) исследования в данной области нередко смыкаются настолько, что бывает сложно определить, какое из исследований принадлежит лингвисту, а какое психологу или этнографу – настолько переплетаются в этих работах различные аспекты изучения терминов родства.

Внимание лингвистов термины родства привлекают по различным причинам. Одна из причин была в свое время сформулирована Ю.С. Степановым следующим образом: «1) количество слов невелико и неизменно; 2) термины родства образуют замкнутую семантическую группу, легко определимую интуитивно и формально логически» [Степанов 1966: 168], что приводит к тому, что семантика каждого термина родства может быть представлена в виде пучка устанавливаемых отдельно для каждого языка дифференциальных признаков и может быть легко подвергнута компонентному анализу. Кроме того, одна из существенных причин внимания к терминам родства со стороны лингвистов – обусловленная «натуральностью» (естественностью) концептов их межъязыковая универсальность. В силу специфики их семантики, термины родства представляют собой универсалии, и, будучи таковыми, дают лингвисту возможность подойти к их анализу с двух точек зрения: с точки зрения выявления того общего, универсального, что есть у этой группы терминов во всех языках, и с точки зрения различий, которыми обладают эти термины в разных языках у разных народов.

Между тем у терминов родства имеется некое свойство, делающее, как представляется, сложным формулирование дефиниций в этой области. Данное свойство напрямую связано с их основной универсальной для любого языка чертой – релятивностью их семантики: зависимостью при установлении референции от точки отсчета при наличии такого количества точек отсчета, сколько есть «позиций» в самой системе, что является неотъемлемой, системообразующей чертой самого этого семантического поля. Иными словами, в отличие от слов с константной референцией, у этих слов референция между звуковой обо-

лочкой слова и соответствующим денотатом устанавливается не непосредственно, в соответствии с установлением принадлежности данного денотата к классу однородных денотатов (к сигнификату), а в результате выявления отношений между данным референтом и тем лицом, позиция которого принимается за точку отсчета, и сопоставлением этих отношений с отношениями, которые соответствуют той или степени родства. Позволим себе сказать, что для терминов родства сигнификативной функцией является не собственно значение слова как лексемы, а отношение – отношение данной лексемы к другой в пределах данной системы.

Так, если воспользоваться терминологией теории прототипов, то можно привести в качестве примера следующее сопоставление. Что является прототипом для «обычных» (нерелятивных) лексем, а что – для лексем, семантика которых релятивна? Например, применительно к «обычным» находящимся в гипогиперонимических отношениях лексемам «воробей»/«птица», воробей – это прототип птицы (по крайней мере, как показывают исследования, для русского национального сознания), поскольку обладает полным/почти полным типическим набором перцептивно ощутимых черт птицы. Есть ли прототип у слова, например, внук? Наверяд ли. Конечно, какой-то минимальный набор перцептивно ощутимых черт имеет место и в данном случае, например, принадлежность к мужскому полу.

Дети, кстати, расширяют этот набор черт, ошибочно приписывая, например, референту слова «внук» такой обязательный признак, как юный возраст. Так, многие дети в проводившемся нами со 178-ю детьми эксперименте, проверявшем понимание детьми семантики терминов родства, на вопрос о наличии у их бабушек/дедушек внуков не называли в качестве ответа таковых, если эти внуки уже вышли из детского возраста. На дополнительные же вопросы в таких случаях мы нередко получали ответы типа: «Петя дедушке Коле не внук, он же уже не мальчик. Он уже большой, взрослый».

Между тем признак «юный возраст» (равно как и подавляющее большинство других перцептивно ощутимых признаков) отнюдь не является для термина родства обязательным (ср.: «80-летний N – внук знаменитого писателя NN»).. Все это приводит

к тому, что невозможно представить себе прототипического «внука», как можно представить себе прототипического вору-бья. Для терминов родства, с нашей точки зрения, прототипы имеются не у лексем, а у отношений. Нет прототипического внука, но есть прототипические отношения между X и Y, и носителя этих прототипических отношений мы и называем внуком. То есть для идентификации при оперировании системой терминов родства мы оперируем не с прототипами, а с прототипическими отношениями. Именно этого, кстати, и не понимают дети.

Таким образом, сказанное выше показывает, с одной стороны, почему удобно рассматривать какие-то общие лингвистические и психолингвистические проблемы на материале терминов родства и, с другой стороны, почему способность верно (с точки зрения экспериментатора) сформулировать дефиницию для термина родства представляет особую трудность.

Рассмотрим некоторые зарубежные исследования, авторы которых стремились выявить адекватность понимания детьми терминов родства и родственных отношений. Сразу отметим, что относимся с глубочайшим уважением к упоминающимся ниже знаменитым трудам Ж. Пиаже [Пиаже 1997], равно как и к работам прекрасной американской исследовательницы Е. Кларк: в данном случае мы говорим лишь о конкретной проблеме – о правомочности приравнивания умения сформулировать дефиницию – к пониманию термина родства.

Итак, речь пойдет в первую очередь об исследовании С. Хэвилэнд и Е. Кларк [Naviland and Clark 1974], а также в каком-то отношении и об экспериментах Ж. Пиаже и его непосредственных последователей [Elkind 1962, Danziger 1957]. В наиболее явном виде это проявилось в исследовании С. Хэвилэнд и Е. Кларк, в меньшей мере – в экспериментах Ж. Пиаже, но во всех этих работах, как представляется, гораздо более проверялась способность ребенка к формулированию дефиниции, чем собственно понимание концепта. Так, в исследовании С. Хэвилэнд и Е. Кларк 50 американским детям от 3.0 до 8.10 задавались вопросы типа «What is a mother?» («Что такое /кто такая/ мама?»). С нашей точки зрения, этот тест акцентировал именно детскую способность сформулировать дефиницию. Иными сло-

вами, как нам представляется, в данном случае на самом деле проверилось не столько понимание понятия, сколько умение сформулировать его определение, что совсем не одно и то же.

В этой связи мы не можем не вспомнить нашего отечественного крупнейшего ученого Л.С. Выготского, который писал: «Наличие понятия и сознание этого понятия не совпадают ни в моменте появления, ни в функционировании. Первое может появиться раньше и действовать независимо от второго» [Выготский 1982, т.2: 177]. Сама формулировка центрального вопроса «What is a mother?» («Что такое мама?»), хотя исследователи (С. Хэвилэнд и Е. Кларк) в качестве добавочного и предлагали детям некоторые дополнительные вопросы типа «Do you have an uncle?» («Есть ли у тебя дядя?») и «What do you have to have to be a sister?» («Что /кого/ тебе надо иметь, чтобы быть сестрой?»), предопределяла ориентированность всего эксперимента на умение формулировать. Мы же убеждены в том, что умение сформулировать дефиницию не равнозначно пониманию некоего понятия, причем мы полагаем, что умение сформулировать дефиницию не просто является высшей стадией этого понимания, а предполагает два различных вида речемыслительной деятельности: и понимание семантики термина родства, и вообще умение давать дефиницию. Последнее не так уж связано с первым, как кажется. Приведем такой пример. В работе С. Хэвилэнд и Е. Кларк в качестве релятивной, но не «реципрокной» (т.е. фактически – неверной или, во всяком случае, не совсем верной) дефиниции приводится такой ответ ребенка: «What's a grandmother? – «Somebody who's your mother's mother» («Что такое /кто такая/ бабушка?» – «Кто-то, кто является мамой твоей маме»). Мы полагаем, что если бы такой же вопрос был задан какому-то взрослому человеку, не очень, может быть, интеллигентному, не очень привыкшему давать определения понятиям, то, возможно, был бы получен аналогичный ответ. Заметим: ни у кого из нас в таком случае не было бы сомнения, что испытуемый понимает семантику термина родства (ясно, что взрослый человек ее понимает); «суженность» получившегося определения (как бы эгоцентрического, а на самом деле, может быть, представляющего своего рода пример – `бабушка – это, например, мама твоей мамы`, что недостаточно абстрактно, но не

ложно) однозначно была бы объяснена неумением не очень образованного человека абстрактно формулировать дефиниции. Этим примером мы вовсе не хотим показать, что в трактовке данного конкретного примера американские исследователи не правы. Важно подчеркнуть нечто иное: неумение ребенка сформулировать определение термина родства вовсе необязательно означает непонимание его семантики.

Между тем в связи с исследованием С. Хэвилэнд и Е. Кларк возникает еще один любопытный вопрос. Он связан с психолингвистическим различием, которое, с нашей точки зрения, имеет место при формулировании определения термина, обладающего релятивной семантикой, и при правильном определении референта для данного слова. Мы имеем в виду, что имеется некая разница и даже противоположность между тем, чтобы, например, с одной стороны, дать абстрактное определение какому-то концепту родства и, с другой стороны, правильно назвать кого-то, кто выполняет какую-то «родственную» роль, т.е. адекватно выявить референта для термина родства. Эту противоположность мы видим прежде всего в том случае, если речь идет о таких отношениях родства, когда ребенок сам выполняет некую «родственную» роль или же у него есть соответствующий родственник.

Поясним эту мысль на примере сопоставления двух терминов родства – «внук» и «дедушка». Если вести речь о способности ребенка дать определение термину, то, очевидно, ребенку легче дать определению термину внук. В материалах С. Хэвилэнд и Е. Кларк, действительно, можно найти этому подтверждение: дети легче давали определение термину «внук» («мальчик, у которого есть дедушка»), чем термину «дедушка» («человек, у которого есть внук»). Согласимся с исследователями в том, что ребенку легче дается первая дефиниция, чем вторая, потому что первая может опираться на эгоцентрическое рассуждение ребенка «я внук, потому что у меня есть дедушка», а вторая, естественно, на соответствующее эгоцентрическое рассуждение опираться не может. Однако возникает некая проблема: согласно мнению С. Хэвилэнд и Е. Кларк, определение, например, понятия «внук» как «мальчика, у которого есть дедушка», является правильным вследствие его «реципрокности». Так ли это? Все-

таки внук, на самом деле, – это не ‘тот, у кого есть дедушка’, а ‘сын сына /дочери/’. Предлагаемое исследователями в качестве правильного определение – это отсылочное, причем «реципрокное», что не только позитивно, но, кстати, и ведет в тупик, поскольку замыкает два определения («внук» определяется через «дедушка», а дедушка – через «внук») друг на друга и ничего не разъясняет. Можно ли считать, что ребенок, понимающий, что «внук» – «это мальчик, у которого есть дедушка», а «дедушка – «это человек, у которого есть внук», действительно, понимает оба термина и соответствующее отношение родства? Вряд ли. Здесь скорее свидетельство осознания лишь одной «стороны медали» («реципрокности»).

Вообще мы полагаем, что «реципрокность» в качестве истинного критерия усвоения терминов родства в некотором отношении уязвима. Для многих западных исследователей (например, для С. Хэвилэнд и Е. Кларк) бесспорным является изначальное предположение, что высшей ступенью усвоения терминов родства является стадия, когда термин А определяется через термин Б, в то время как термин Б – через термин А (‘бабушка – женщина, у которой есть внук или внучка’, а ‘внучка – девочка, у которой есть бабушка’). Обратимся к независимым критериям – к данным словарей. Не говоря уже о том, что наши отечественные словари (например, словарь С.И. Ожегова) дают вовсе не во всех случаях «реципрокные» толкования (например, «бабушка – 1. Мать отца или матери» [Ожегов 1970: 31]), аналогичные «нереципрокные» толкования мы находим и в зарубежных словарях (например, в «Оксфордском» словаре английского языка «grand-mother – mother of one’s father or mother», т.е. ‘бабушка – мать чьего-то отца или матери’ [Hornby... 1984: 271]). «Реципрокные» толкования в обоих случаях (и в русских и в английских словарях) мы обнаруживаем только при толковании «примитивных» терминов родства (типа «мать», «сын» - об этом подробнее см. ниже), и там это обусловлено сложностью другого типа толкования. Иными словами, словари предлагают отнюдь не только «реципрокные» дефиниции терминов родства, и никому не приходит в голову обвинить за это их составителей в «неспособности» подняться на высшую ступень понимания термина. Так почему же тогда такие требования предъявляются

к детям? Нам вообще непонятно: откуда появился миф, что в дефиниции терминов родства обязательно должна присутствовать «реципрокность»? Полагаем, что в данном случае произошло некоторое «психолого-лингвистическое» недоразумение, и в течение длительного времени об этом как-то не задумывались. Когда в свое время Ж.Пиаже писал о необходимости осознания ребенком «реципрокности» (обратимости, взаимности) терминов родства, то он вовсе не имел в виду, что это их свойство обязательно должно отражаться в их определении. Он имел в виду, что для того, чтобы понимать полностью, что такое брат, надо понимать, что для того, чтобы быть братом, надо иметь брата (или сестру), – и никак не более того. На каком-то этапе в исследованиях, базирующихся на работах Ж.Пиаже, произошла эта подмена (осознание «реципрокности» подменилось ее эксплицированием в дефиниции), и с тех пор это требование к осознанию терминов родства так и кочует из работы в работу.

В связи со всем вышеотмеченным мы отнюдь не видим ничего удивительного в выводе, который получился у Н.Дж. Бенсон и Дж.М. Англин [Benson and Anglin 1987] и который, кажется, изумил их самих. Сравнивая дефиниции 12 терминов родства, полученные в результате опроса детей четырех возрастных групп и взрослых, исследователи обнаружили, что не только дети, но и взрослые вовсе не всегда «поднимаются» на уровень «реципрокных» толкований: у детей даже старшей возрастной группы, шестилетних, таких ответов почти нет (1.04%), и у взрослых их сравнительно немного (23.96%). Авторы исследования справедливо отмечают, что этот (по-видимому, весьма удививший их) результат не означает, что взрослые не осознают эту «реципрокность»: она для них просто не является тем основным, что для них определяет данный концепт.

Вот здесь, по-видимому, и кроется интересующее нас различие: взрослые не эксплицируют «реципрокность» не потому, что не осознают ее; дети же зачастую именно не осознают. Как следует из всего вышеизложенного, с нашей точки зрения, бессмысленно пытаться определить, понимает ли эту «обратимость» ребенок, анализируя данные им определения, поскольку в определениях, как мы убедились, эта «взаимность», «обрати-

мость» вовсе не обязательно должна эксплицироваться. Поэтому проверить, понимает ли ее ребенок, можно только на конкретных примерах (т.е. понимает ли он, например, что если кто-то кому-то бабушка, то этот человек ей – внук или внучка, и наоборот). Таким образом, для проверки осознания «реципрокности» требуется совсем иная методика экспериментального исследования, чем предлагалась, с теми или иными вариациями, всеми вышеназванными авторами (такая, отличающаяся от предшествующих, методика была разработана исландской исследовательницей Х. Рагнарсдоттир [Ragnarsdottir 1996] и легла в основу, например, нашего экспериментального исследования – см., например, [Доброва 2003]).

Таким образом, мы возвратились к вопросу о сопоставлении детской способности дать определение термину родства в сравнении (или в противоположность) с умением правильно указать на соответствующего референта. Итак, если проверять не умение дать определение термину, а умение правильно указать на референта термина родства, очевидно, результат должен быть противоположным, и опять же вследствие того же эгоцентризма: ребенку указать на кого-то, кто является чьим-то дедушкой, должно быть проще, чем указать на кого-то, кто является чьим-то внуком. Связано это с тем, что в первом случае ребенку, если он хотя бы уже немного способен встать на чью-то точку отсчета, например, на точку отсчета другого ребенка, достаточно мысленно встать на позицию того, на чьего дедушку ему надо указать (указывать на своего дедушку он привык с самого раннего возраста, т.к. с самого раннего возраста использует это слово в роли своего рода личного имени для отца /или матери/). Указать же на чьего-то внука ребенку, наверное, должно быть сложнее, поскольку в обычной жизни указывать на кого-то в качестве внука или хотя бы постоянно слышать применительно к кому-то, что тот – чей-то внук, ребенок не привык. Последнее (вероятность услышать слово «внук» в номинативной функции), впрочем, может несколько варьироваться в зависимости от этнокультурных традиций различных народов, о чем речь впереди, или же от конкретного инпута, получаемого ребенком в данной семье.

Иными словами, в случае указания на кого-то в качестве референта термина родства детский эгоцентризм должен способствовать более раннему указанию на референтов таких концептов родства, роль которых сам ребенок не выполняет, но соответствующих которым родственников имеет; в таком случае отсчет производится «от себя» в направлении какого-то родственника, ребенок стоит на своей точке отсчета. В случае же с формулированием дефиниции для какого-то понятия, напротив, ребенок раньше способен дать правильное определение, если сам выполняет соответствующую роль, и опять же в силу всё того же эгоцентризма. Поскольку предположение о более ранней способности указать на родственника при «отсчете от себя», чем на родственника, выполняющего одинаковую с ребенком роль, подтвердилось в нашем эксперименте (см., например, [Доброва 2003]) , то возникает вопрос: какая же из указанных способностей для речевого онтогенеза важнее. Что в большей мере свидетельствует о более раннем усвоении термина родства – более ранняя способность указать на референта или же более ранняя способность дать правильную (с нашей, кстати, точки зрения – не совсем правильную, не полноценную) дефиницию? Очевидно, ни то, ни другое по отдельности. Вероятно, никакое свидетельство «понимания» термина, обладающего релятивной семантикой, нельзя считать истинным пониманием, если очевидно, что это «понимание» обусловлено эгоцентризмом. Только избавление от эгоцентризма (появление способности легко становиться на точку зрения другого) приводит к полноценному усвоению шифтеров. Кроме того, из вышеуказанного также, наряду с прочими выводами, следует, что при сравнении результатов эксперимента, где опора делалась на способность дать определение [Naviland and Clark 1974], с результатами эксперимента, где дети указывают на референтов терминов родства, возможны и ожидаются разночтения: порядок «усвоения» (которое мы в обоих случаях считаем не полным усвоением) терминов родства должен получиться – и получается – неодинаковым.

Наконец, имеется еще одна проблема, на размышления о которой наводят исследования С. Хэвилэнд и Е. Кларк и другие эксперименты, опирающиеся на проверку способности сформулировать дефиницию. Когда речь идет о терминах родства, се-

мантика которых комплексна (в терминологии Е.Кларк – содержит два релятивных компонента), то в принципе понятно, как эту дефиницию следует формулировать. Для определения в таких случаях мы прямо или опосредованно опираемся на более простые, «примитивные», однокомпонентные концепты: «мать», «отец», «сын», «дочь». «Бабушка» – это мать матери или отца; «тетя» – сестра матери или отца (внутри последнего определения «сестра» тоже «раскладывается» на примитивные составляющие: «тетя» – сестра матери или отца, в то время как сестра – это дочь тех же матери и отца). А как быть с самими «примитивными» терминами родства? Как, например, дать определение слову «дочь»? Нельзя сказать, что С. Хэвиленд и Е. Кларк этот вопрос совсем уж не смущает. В конце своей работы они упоминают об этой сложности – о том, что и взрослым людям сложно дать определения таким понятиям. Тем не менее, их эта сложность смущает не настолько, чтобы отказаться от идеи задавать такие вопросы детям. Мы же полагаем, что такие определения чрезмерно сложны.

Рассмотрим, например, определение терминов «мать» и «сын»: «мать» – «женщина по отношению к ее детям» [Ожегов: 333], «сын» – «мужчина, мальчик по отношению к родителям» [там же: 773]. Как нетрудно видеть, за исключением семьи `пол`, во всем остальном обе дефиниции сугубо «реципрокны». Иначе говоря, в обоих определениях никак не эксплицируется «энциклопедический» (в данном случае – биологический) компонент нашего знания о том, кто такая «мать» и кто такой «сын»; ни слова о том, «кто кого родил» в определении нет. В определениях актуализируется лишь релятивный, «реципрокный» компонент, который достаточно очевидно сложен для детей. Следовательно, дать определение, адекватное принятому определению, ребенок до какого-то возраста просто не может, что не означает, что он не способен правильно указать на свою собственную мать в качестве матери и даже (в более старшем возрасте) правильно указать на мать другого человека в качестве его матери. Впрочем, будет ли такая способность правильно указывать на мать другого человека (в качестве матери этого человека) доказательством полноценного усвоения семантики термина «мать» – это другой вопрос. В отношении же интересующего нас аспек-

та подчеркнем лишь, что попытки вызвать ребенка на формулирование дефиниций, сформулировать которые он заведомо не может, наряду с формулированием дефиниций, сформулировать которые таким или иным образом он может (проще, например, сказать, что дедушка – это мамин или папин папа, чем что мама – это женщина по отношению к ее детям), – такие попытки, на основании которых потом выстраивают систему, иерархию усвоения терминов родства, с нашей точки зрения, не совсем корректны.

Таким образом, на материале экспериментов, проверявших понимание детьми семантики терминов родства путем проверки способности сформулировать дефиницию, мы попытались продемонстрировать нецелесообразность проведения такого типа исследований, когда первое подменяется вторым. Мы вполне сознательно остановились в данной работе лишь на западных исследованиях, причем не самых последних лет. Такой отбор материала для анализа неслучаен: мы стремились показать (на примере работ весьма «маститых» ученых) молодым отечественным исследователям, какого типа исследований и выводов следует избегать. Не хочется «переходить на личности», однако опыт научных конференций самых последних лет показывает новый «всплеск» интереса некоторых молодых отечественных ученых к проведению экспериментов, в которых детям в той или иной форме предлагается толковать значения слов. Данный интерес вполне понятен, т.к. это, казалось бы, самый простой, очевидный и, главное, быстрый путь собрать статистически значимое количество данных по разным детям – разных возрастных групп, разного пола и т.д. Разумеется, в самом этом типе эксперимента, когда детям предлагается толковать значения слов, ничего плохого нет (если, конечно, вопросы сформулированы корректно, например, без подсказки типа «Кто такой X?» - где уже в самом вопросе экспериментатора имеется указание на одушевленность объекта). Вопрос в другом – в том, как анализировать полученные результаты. Хотелось бы, чтобы исследователи точно осознавали: во-первых, «понимание пониманию рознь», поскольку нельзя забывать о разных степенях осознания, и, во-вторых, понимание семантики лексемы и умение сформулировать дефиницию – отнюдь не одно и то же.

Литература

Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6-и т. – М., 1982. – Т.2. – С. 6–361.

Дзибель Г.В. Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып.2. – СПб., 1998. – С.89–134.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). – СПб., 2003.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 8-е, стереотип. – М., 1970.

Пиаже Ж. Суждение и рассуждение ребенка. – СПб., 1997.

Степанов Ю.С. Основы языкознания. – М., 1966.

Цейтлин С.Н. Онтолингвистика и кафедра детской речи // Онтолингвистика: Некоторые итоги и перспективы. – СПб., 2006. – С.3–12.

Benson N.J. and Anglin J.M. The child's knowledge of English kin terms // First language, 1987, 7. – P. 41–66.

Danziger K. The child's understanding of kinship terms: a study in the development of relational concepts // Journal of genetic psychology, 1957, vol. 91. – P. 213–232.

Elkind D. Children's conceptions of brother and sister: Piaget replication study V // Journal of genetic psychology, 1962, vol. 100. – P. 129–136.

Haviland S.E. and Clark E.V. 'This man's father is my father's son': a study of the acquisition of English kin terms // Journal of child language, 1974, №1. – P.23–47.

Hornby A.S. with the assistance of Ruse C. Oxford student's dictionary of current English. Special edition for the USSR. – М.; Oxford, 1984.

Ragnarsdottir H. The acquisition of kinship concepts. A cross-linguistic study // P.Broeder & J.M.J.Murre (eds.) Language and thought in development: Cross-linguistic studies. Tübingen, Günter Narr Verlag, 1996.

©Доброва Г.Р., 2008